

Эллинизмъ и христiанство.

II.

Лукианъ Самосатскiй и его отношенiе къ христiанству.

1. Биографiя Лукиана. 2. Покровительство императоровъ династiи Антониновъ наукъ и просвѣщенiю; положенiе риторовъ въ эту эпоху. 3. Религиозное состоянiе римской имперiи при Антонинахъ: историческое завершенiе развитiя римской національной религiи; появленiе новыхъ культовъ и суевѣрiй; народженiе людей боговъ; биографiя Александра Абоотейскаго и исторiя его чудесъ. 4. Лукианъ, какъ сатирикъ; характеристика его сатиры; борьба Лукиана съ богами; разборъ его этюдовъ: „Собранiе боговъ“, „Побѣжденный Юпитеръ“, „Мениппъ“; смыслъ борьбы Лукиана съ богами. 5. Отношенiе Лукиана къ христiанству. Сложность вопроса. Попытка установить аналогiю между нѣкоторыми отдѣлами сочиненiй Лукиана и христiанствомъ; старанiя нѣкоторыхъ изслѣдователей Лукиана найти у Лукиана прямую зависимость отъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъ. Центральное значенiе въ этомъ вопросѣ его сочиненiя „о смерти Перегринъ“ и внѣшнiй строй его. Перегринъ Протейаепискiй циникъ по независимымъ отъ Лукиана источникамъ. Перегринъ въ изображенiи самого Лукиана. Перегринъ — христiанинъ; подробный анализъ всѣхъ свѣдѣнiй, сообщенныхъ Лукианомъ о христiанахъ и Основателѣ христiанства Лукианъ — не врагъ христiанства. Вопросъ объ отношенiи Лукиана къ творенiямъ Игнатiя, епископа антиохiйскаго. — Культъ Перегринъ Протея. Заключение.

1. О жизни Лукиана наука обладаетъ очень немногими свѣдѣнiями¹⁾. Нельзя сказать, чтобы онъ безслѣдно про-

¹⁾ Ученая литература, специально обсуждающая его личность и вмѣщающаяся въ нашемъ распоряженiи: Sorgel Lucians Stellung zum Christenthum. Kempen, 1875.—Croiset Essai sur la vie et les oeuvres de Lucien. Paris. 1882.—Schmidt. Lucians Satiren gegen Glauben seiner Zeit.—Him. Lucian, the syrian satirist. New York and Bombay. 1900.—Viéla. Essai sur Lucien de Samosat et les Chrétiens. Montauban. 1902. Rabe. Scholia in Lucianum. Lipsiae, 1906.

шелъ среди своихъ современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Изъ эллинскихъ писателей упоминають о немъ только Евнапій, риторъ 2-ой половины IV вѣка, отмѣчая Лукіана, какъ человѣка, опытнаго въ юмористикѣ ¹⁾, и Свида ²⁾. У христіанскихъ же писателей имя Лукіана встрѣчается очень нерѣдко: о немъ говорятъ апологеты Таціанъ ³⁾, Тертулліанъ ⁴⁾, Аеннагоръ ⁵⁾, Лактанцій (IV в.) ⁶⁾ и Фотій, патріархъ Константинопольскій (половина IX в.) ⁷⁾ Но всѣ эти писатели, за исключеніемъ Фотія, ограничиваются лишь почти только упоминаніемъ его имени, не присоединяя къ нему никакихъ библиографическихъ указаній. Тѣмъ не менѣе и при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, изслѣдователь, приступающій къ возсозданію біографіи Лукіана, не находится совсѣмъ въ безвыходномъ положеніи: самъ Лукіанъ приходитъ ему на помощь и въ своихъ сочиненіяхъ сообщаетъ немногія хронологическія даты изъ своей жизни, хотя и не отличающіяся особенной точностью, но, при нѣкоторыхъ историческихъ комбинаціяхъ, дающія возможность съ достаточной вѣроятностью начертать общій ходъ его жизни.

Установить точно годъ его рожденія невозможно: ученые обыкновенно колеблются между 120—130 (при императорѣ Адріанѣ) ⁸⁾, а отсюда и самый зрѣлый возрастъ Лукіана и расцвѣтъ его таланта падаетъ на время правленія Марка Аврелія (161—180). Существуютъ нѣкоторыя основанія ду-

¹⁾ „*σπουδαῖος ἐν τῇ φιλοσοφίᾳ*“. Eunapii vitae sophistarum, iterum edidit Boissonnade,—въ общемъ изданіи Philostratorum. Eunapii Himerii opera, Parisiis, 1849, p. 454.

²⁾ Suidae. Lexicon graece et latine, rec. Bernhardy, t. II, Hallis et Brunsvigae, 1853, p. 606: *Λουκιανός*.

³⁾ Or ad Graec c 25.

⁴⁾ Ad mart. 4.

⁵⁾ Supplicat. pro chist, c 62.

⁶⁾ „Лукіанъ, который не щадилъ ни боговъ, ни людей“ Jnstit cit. Jd. p. 33.

⁷⁾ Photii Bibliotheca ex recensione Beckeri, Berolini, 1824, c. 123.

⁸⁾ Croiset, cit ed. b. 2—Nim. По указанію Свида (cit. loc.) Лукіанъ дѣйствовалъ (*ἔζηον*) при Кесарѣ Траянѣ и его преемникахъ; однако изъ тѣхъ немногихъ свидѣній, какими наука обладаетъ о Лукіанѣ явствуеть, что онъ не могъ родиться при Траянѣ. Ошибка объясняется неточнымъ воспроизведеніемъ источника. Извѣстно, что Адріанъ тотчасъ послѣ своего избранія на тронъ воспринялъ имя: Цесарь Траянъ Адріанъ. (Schiller. Geschichte d. römischen Kaiserzeit Gotha, 1883, I, 3 s. 603.).

мать, что онъ получили жизнь въ 125¹⁾. Родиной его были Самосаты, укрѣпленный городъ, бывшая столица небольшого королевства Команъ,—городъ, важное значеніе котораго опредѣлялось его положеніемъ на берегу Ефрата на торговомъ водномъ пути, идущемъ изъ Азіи въ Персію²⁾.—О своихъ юношескихъ годахъ и пережитомъ тогда кризисѣ самъ Лукіанъ сохранилъ крайне любопытный разсказъ въ своемъ сочиненіи „Сонъ“, отчасти представляющій собой его автобіографію. Когда онъ стоялъ на границѣ юношескаго возраста и еще продолжалъ посѣщать начальную школу, отецъ и всѣ родственники его собрались на совѣтъ по вопросу о томъ, какой образъ жизни нужно преднамѣтить для выступающаго на самостоятельную дѣятельность юности. Большинство (оно состояло изъ ремесленниковъ, занимавшихся выдѣлкой статуетокъ) держалось того мнѣнія, что служеніе наукъ, ученая карьера, требуетъ большого труда, долгаго времени и значительныхъ расходовъ; самое происхожденіе юности и его ближайшее родство предопредѣляло его будущее. Его мать была фабрикантка статуетокъ и съ два брата продолжали наследственное ремесло. Голосъ отца, указавшаго на дядю, особенно славившагося своимъ искусствомъ въ Самосатахъ, какъ на примѣръ, достойный подражанія, рѣшилъ всѣ семейныя колебанія, и Лукіанъ отданъ былъ на обученіе дяди. И этотъ выборъ будущаго призванія тѣмъ болѣе казался естественнымъ, что Лукіанъ, еще будучи въ школѣ и часто оставляя своихъ учителей, очень искусно дѣлалъ изъ воска быковъ, лошадей и даже людей. Но первое же испытаніе, какому подвергъ его дядя, оказалось для него крайне неудачнымъ. Ему дана была каменная доска, которую нужно было разбить рѣзцомъ такъ, чтобы она стала пригодной для

1) Если вѣрить вычисленіямъ Croiset'a, что діалогъ „Гермотимъ“ составленъ Лукіаномъ въ 165—году, когда ему числилось 40 лѣтъ, то онъ долженъ былъ появиться на свѣтъ именно въ 125 г. (ср. р. 2; прим.).

2) Лукіанъ самъ прекрасно описываетъ свой отечественный городъ: „моя родина (Самосаты) съ ея главною крѣпостію и другими укрѣпленными мѣстами, окружающими ее со всѣхъ сторонъ, расположена въ Месопотаміи между Ефратомъ и Тигромъ, причемъ обѣ рѣки настолько близко подходятъ къ ней, что обводные валы города оплескиваются ихъ волнами. (Lucianus, ex recensione C. Jacobitz Lipsiae 1836. Quo modo historia conscribenda c. 24 II, p. 25, 26).

выдѣлили статуетокъ, но, будучи неопытнымъ, онъ такъ сильно ударилъ въ плиту, что она разсыпалась въ куски. Дядя наказалъ его плетями.., кровавые рубцы остались у него на тѣлѣ, и онъ съ горькими слезами убѣждалъ въ домъ отца ¹⁾... Настали долгія минуты раздумія: фантазія ярко обрисовала ему будущее; пусть онъ останется вѣрнымъ призванію своихъ предковъ,—тогда ему предстоить жизнь ручного работника,—человѣка, у котораго всѣ работы строятся на опытности руки, жизнь безславная, плохо оплачиваемая, съ низкимъ образомъ жизни, направленнымъ только на предметы работы и самообезпеченія. Не то путь науки—путь самообразованія: онъ откроетъ его уму высшіе горизонты, дастъ ему всѣ средства самовоспитанія въ прекраснѣйшихъ добродѣтеляхъ и въ стремленіи къ возвышеннымъ благамъ; онъ выдѣлитъ его изъ обычной массы людей, дастъ возможность развить свои таланты и доставитъ ему знаменитость ²⁾. Мечты скоро стали воплощаться въ фактахъ. Лукіанъ (около 140 г.) оставилъ Самосаты и убѣждалъ въ Іонію, городъ устроенный какъ бы въ родѣ музея (высшаго ученаго института) и богатый разнообразными учебными заведеніями ³⁾, привлекавшій отовсюду славныхъ риторовъ, изъ которыхъ самыми блестящими были Скопеліанъ ⁴⁾ и Полемонъ ⁵⁾, лекціи ко-

¹⁾ Jacobitz, cit ed. *Somnium*, I, 1—4; p. 3—5

²⁾ Процессъ пережитыхъ имъ въ это время психическихъ колебаній Лукіанъ изображаетъ въ видѣ двухъ женщинъ, представшихъ ему во снѣ послѣ неприятнаго случая у дяди, изъ которыхъ каждая старалась увлечь его на свою сторону. Воплощавшая въ себѣ ремесло дѣланія статуетокъ женщина имѣла грязные волосы, руки, покрытыя мозолями, полвязанную одежду, покрытую мраморной пылью (точь-въ-точь,—замѣчаетъ Лукіанъ,—какъ дядя, когда онъ полировалъ камни) Другая же обладала благороднымъ видомъ лица, прекраснымъ станомъ и чистой одеждой (философія). Обѣ провозносятъ рѣчи въ защиту своихъ притязаній. Естественно, что побѣждаетъ философія (*Somnium* сс. 6—16; Jacobitz cit ed. I; p. 5—11).

³⁾ „Вся Іонія устроена какъ бы вмѣсто музея и своею главою имѣетъ Смирну, какъ музыкальныхъ инструментовъ киеара (*Philostorgii vitae sophistarum* II, 21, p. 212: объ ученыхъ учрежденіяхъ въ Іоніи *ibid.* II, 26; p. 218 (см. цитированное выше общее изданіе“ *Philostrati, Euparii etc, opera*).

⁴⁾ Скопеліанъ, какъ выдающійся риторъ Смирны, привлекавшій къ себѣ всѣхъ іонійцевъ см. тамъ же II, 21 p. 212.

⁵⁾ Полемонъ, какъ риторъ Смирскій II, 217 p. 214 sqq.

торыхъ онъ, вѣроятно, и слушалъ, здѣсь или въ Смирнѣ. Онъ явился въ Іонію молодымъ студентомъ, говорящимъ варварскою рѣчью и только что снявшимъ съ себя кандиъ, роскошный костюмъ своего ассирійскаго отечества ¹⁾. Риторика взяла здѣсь его подъ свое покровительство: она нашла въ немъ послушнаго ученика, не отводившаго отъ нея своихъ очей и относившагося къ ней съ высокимъ уваженіемъ и удивленіемъ. Бѣдный и низкій, онъ скоро возвысился надъ прекрасными и богатыми юношами, былъ внесенъ въ цѣховые списки и сдѣлался гражданиномъ. Вѣроятно, недостатокъ средствъ, естественный у человѣка, вышедшаго изъ рабочаго сословія побудилъ его выступить въ Антиохіи въ качествѣ адвоката при судебныхъ процессахъ. Свидѣ, сообщающій о немъ крайне немногочисленныя свѣдѣнія, характеризуетъ его только какъ адвоката Антиохіи. И затѣмъ, когда Лукіанъ былъ призванъ на судъ философіи по обвиненію, принесенному на него риторикой, Діогенъ въ защиту его говоритъ: „мужа обвиняютъ въ томъ, что онъ отрѣшился, наконецъ ²⁾, отъ шумной брани въ судебныхъ процессахъ и покинулъ залъ суда ³⁾“: при томъ же случаѣ и самъ Лукіанъ заявилъ: „что касается до меня, то я очень доволенъ, что оставилъ профессію адвоката,—эту судебную волокиту, заставляющую его переживать тысячи злосключеній, обмана, безстыдства и ссоръ“ ⁴⁾. Его призваніемъ сдѣлалось ораторство, и онъ, какъ все риторы тогдашняго времени, повелъ бродячую жизнь. Ближайшимъ мѣстомъ его дѣятельности была Греція, гдѣ уже дѣйствовало не мало его земляковъ ⁵⁾. Потребность посоветоваться съ врачомъ повела его въ Римъ, оставившій въ его душѣ глубокое впечатлѣніе, а чувства, пережитыя имъ тамъ, онъ изобразилъ въ живыхъ чертахъ въ письмѣ своему другу Тимоклу ⁶⁾. Здѣсь онъ оставался, повидному, недолго и скоро перепелъ въ южную Италію, въ мѣстность около рѣки По, памятникомъ чего остался его небольшой,

1) *Bis accusatus*, с. 27; *Jacobitz*, III, 28.

2) *Ibid.*

3) *Piscator*, с. 25; *Jacobitz*, I с. 356.

4) *Piscator*, с. 29; *Jacobitz*, I, p. 350

5) *Bis accus*, с. 27; *Jacobitz*, III. p. 28.

6) *De mercede conductis*; *Jacobitz*, I, p. 402—403.

но интересней эюдь о янтарѣ и лебедахъ на рѣкѣ По ¹⁾. За все это время его ораторскія рѣчи привлекали къ себѣ общественное вниманіе. Онъ повсюду былъ окруженъ блескомъ и славой и результатъ его путешествія въ Римъ и Италію сказанъ въ томъ, что онъ удалился оттуда съ туго набитымъ карманомъ ²⁾. Въ началѣ 160 г. Лукіанъ возвратился въ Іонію ³⁾ и вѣроятно въ это время сдѣлалъ подарокъ своему отечеству ⁴⁾. Мѣстомъ риторической публицистики его опять сдѣлался Востокъ: Іонія, Смирна, Ефесъ, Антіохія. Онъ жилъ еще на Востокѣ въ то время, когда восточныя области сдѣлались очагомъ войны римлянъ съ парянами. Въ виду послѣдовательныхъ неудачъ, сопровождавшихъ для римлянъ эту войну, Маркъ Аврелій, чтобы поднять духъ войска, послалъ сюда въ качествѣ главнокомандующаго своего соправителя Луція Вера сначала въ Лаодицію дафнискую, потомъ въ Антіохію: но вмѣсто того, чтобы заниматься военными дѣлами, онъ проводилъ время здѣсь очень весело; онъ сталъ посмѣшищемъ для всѣхъ сирійцевъ, устроившихъ ему постоянные скандалы въ театрахъ: вмѣстѣ съ туземцами онъ присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ шествіяхъ, при празднованіи Сатурналій и вообще всѣхъ мѣстныхъ боговъ. По побужденію своихъ военачальниковъ онъ вмѣстѣ съ римскою арміею спустился до Ефрата, гдѣ и заключилъ безрезультатный миръ съ парфянами. Возвратившись въ Ефесъ въ 164 году, онъ тотчасъ же вступилъ въ бракъ съ Люциллою, дочерью Марка Аврелія ⁵⁾, съ которой былъ помолвленъ еще въ Римѣ, и именно для того, чтобы Маркъ не пришелъ самъ въ Сирію и не

1) Янтаръ происходитъ отъ плачущихъ тополей, растущихъ по берегамъ рѣки По,—тополей, въ которые обратились сестры Фетона, объята горемъ отъ несчастной гибели своего брата и испускавшія имъ слезы превращаются въ янтаръ.—Лукіанъ обратился къ сопровождавшимъ его поселянамъ съ вопросомъ: „гдѣ бы онъ могъ видѣть лебедей, стоящихъ по обоямъ берегамъ По и поющихъ свои прекрасныя мелодіи; вѣдь говорятъ, что это любившіе музыку люди—слутники Аполлона, обратившіеся въ этой странѣ въ лебедей“. Мѣстные жители грубо и наглядно опровергли эти легенды (De electro sive Cynis; Jacobitz, III, p. 236 sqq).

2) Bis accesatus, с. 27. 28; Jacobitz, III, 88: 89.

3) Quo modo historia conscribenda, с. IV Jacobitz, II, 15.

4) Encomium patriae, с. 8' Jacobitz III, 332 333

5) Schurer, cit, op. s. 641. Julii Capitolini с. 7.

раскрылъ его преступленіи ¹⁾. Приблизительно въ 164—165 г центромъ дѣятельности Лукіана сталъ Коринѳъ ²⁾, и преимущественно Аѳины. Онъ явился сюда уже въ качествѣ общепризнаннаго и выдающагося ритора, получающаго богатое содержаніе изъ общественной кассы, труды котораго считали долгомъ оплачивать ³⁾, его слава здѣсь достигла такой высоты, что равнаго ему по талантамъ не находилось во всей Греціи ⁴⁾. Но пребываніе Лукіана въ Аѳинахъ явилось не только высшимъ моментомъ его торжества, но и радикальной перемѣной его фронта. Еще будучи въ Римѣ, онъ слушалъ лекціи Нигрина, одного изъ выдающихся представителей платонической школы. „Онъ—разсказываетъ Лукіанъ,—въ похвалу философіи, какъ она охраняетъ свободу, и раскрылъ предо мной презрительность вещей, которыя многими считаются за благо, — блестящее внѣшнее положеніе, почетное мѣсто, золото и пурпуръ и всѣ подобныя предметы, почитаемыя у многихъ очень важными. Всему этому я открылъ свой умъ и воспринималъ съ необыкновенной внимательностью: и я не могу разсказать, что я чувствовалъ. Иногда я печалился, когда я слышалъ, что все, любимое мною,—почетъ, деньги, слава—представляется ничтожествомъ, и я плакалъ, когда видѣлъ, что все это извергается; и опять весь обычный порядокъ вещей казался мнѣ ничтожнымъ и презрѣннымъ, и я радовался, какъ будто я вырвался изъ этой досадлившей моей жизни въ ея мрачныхъ сумеркахъ и возвысился къ ясному небу и чистому свѣту“ ⁵⁾. Поворотъ, начавшійся въ немъ въ Римѣ, завершился въ Аѳинахъ, гдѣ онъ ознакомился съ философомъ Демонагомъ и составилъ описаніе его жизни, гдѣ онъ про-

¹⁾ Лукіана поразила необыкновенная красота Люциллы. Въ „*Imagines*“ онъ описываетъ женщину необыкновенной красоты, которую ему удалось увидеть. Разсказъ идетъ съ Поликратомъ:

Поликратъ: „сколько внуховъ ее сопровождали?“

Луциній (Лукіанъ) „безъ всякаго сомнѣнія солдаты?“

Поликратъ. „Не видѣлъ ли ты, счастливый смертный, супруги Императора *Imagines*, с. 10; *Jacobitz*, p. 387.

²⁾ *Quomodo hist. conscrib.* *Jacobitz* I, p. 15.

³⁾ *Apologia* 15; *Jacobitz*, I, p. 445.

⁴⁾ *Zeuxis sive Antiochus*, с. 7. 8 *Jacobitz*, I, 531. 532.

⁵⁾ *Nigrinus*, 4; *Jacobitz*, I, 19.

блуждаетъ своего друга въ восторженныхъ краскахъ идеальнаго человѣка ¹⁾. Здѣсь онъ окончательно разочаровался въ своемъ риторствѣ и склонился къ ногамъ философа. „Чтожь удивительнаго въ томъ,—воскликаетъ онъ,—что я прибѣгъ къ твоимъ ногамъ, о философія! Когда я послѣ шторма и бури нашель, наконецъ, прочный портъ, я рѣшилъ остатокъ своихъ дней провести подъ твоимъ покровительствомъ“ ²⁾. Но не смотря на все свое преклоненіе предъ философіей, Лукіанъ никогда не сдѣлался философомъ. Философія только углубила его талантъ и вызвала новую и болѣе свѣжую переменъ въ литературной формѣ его произведеній. Изъ ритора онъ обратился въ софиста-сатирика и литературный видъ его произведеній преобразовался въ діалогъ ³⁾. Постоянно вездѣ путешествовавшій и посѣщавшій одинъ городъ за другимъ, изъ Аѳинъ онъ забрался въ Фессалоннку, центральный городъ Македоніи, чтобы свои письменныя работы сдѣлать извѣстными всѣмъ жителямъ этой страны. Насталъ день, мужи каждаго города, выдающееся общество всей Македоніи, собрались слушать его лекціи и Лукіанъ справилъ здѣсь свой послѣдній литературный триумфъ ⁴⁾, совершившійся предъ самымъ наступленіемъ олимпійскихъ игръ, на которыхъ онъ лично присутствовалъ ⁵⁾. Въ концѣ своей жизни этотъ либераль и сатирикъ, ѣдко осмѣивавшій всѣ существующіе порядки, удостоился важной административной должности въ префектурѣ Египта. Всѣ друзья его пришли въ удивленіе отъ неожиданности поступка. „Какъ ты, человѣкъ, такъ рано отрѣшившійся отъ вѣчныхъ порядковъ,—писалъ Лукіану одинъ изъ его друзей, Сабинъ,—обладавшій свободнымъ занятіемъ, стоящій уже одной ногой у Харона, наканунѣ смерти, кинулся въ очевидное рабство?“ Лукіанъ оправдывался: онъ увѣрялъ друзей, что мотивомъ, побудившимъ принять высокую административную должность послужили не деньги и не честолюбіе, а единственно удивленіе предъ высокообразованнымъ характеромъ тогдаш-

1) См. Jacobitz, II, 273 sqq.

2) Piscator, с. 29; Jacobitz I, 359.

3) Ibid, с. 37. Jacobitz, ibid, p 364

4) Herodotus s. Aetius, с. 7. 8 Jacobitz, I, p. 525. 526.

5) De morte Peregrin. с. 35; Jacobitz, III, 434.

няго ешипетскаго префекта (?). Какъ оффициальное лицо, занимавшее высокое мѣсто въ провинціальной администраціи, онъ велъ важнѣйшіе судебные процессы, записывалъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, составлялъ протоколы и отправлялъ ихъ въ общественный архивъ. На его обязанности лежало также опубликовываніе императорскихъ рѣшеній и повелѣній и оповѣщеніе о нихъ публики. Онъ увѣряетъ своихъ друзей, думавшихъ, что недостатокъ средствъ побудилъ его на столь позорный поступокъ, что новая должность, полученная имъ, оплачивается опредѣленнымъ государственнымъ жалованіемъ и онъ не только не обѣднѣлъ, но и сдѣлался несравненно богаче ¹⁾. Годъ смерти Лукіана неизвѣстенъ; онъ падаетъ на время правленія Коммода.

2. Лукіанъ выступилъ на свою историческую дѣятельность въ знаменательный періодъ исторіи, когда развитіе и благосостояніе римскаго государства, процвѣтаніе наукъ и весь подъемъ культурно-политическаго развитія человѣчества, какое связывается у историковъ съ именемъ Антошиновъ достигъ своего зенита, проявился во всей яркости красокъ и затѣмъ постепенно сталъ разрушаться. Насталъ вѣкъ риторовъ и философовъ. Никогда еще задачи человѣческаго блага не разрабатывались съ такою послѣдовательностью и сознательностью, какъ теперь, и никогда еще Греція не торжествовала болѣе блистательной побѣды, чѣмъ эта побѣда, одержанная ею посредствомъ педагоговъ и учителей (риторовъ и философовъ) ²⁾. Антонины (Пій и М. Аврелій) покровительствовали наукѣ: Пій раздавалъ всѣмъ риторамъ и философамъ почетныя мѣста по всѣмъ провинціямъ и надѣлилъ ихъ государственнымъ жалованіемъ ³⁾. М. Аврелій учредилъ въ Аѳинахъ кафедры по всѣмъ наукамъ съ очень приличнымъ вознагражденіемъ и создалъ нѣчто въ родѣ Академіи ⁴⁾. Города и общественныя учрежденія шли на встрѣчу этой новой потребности времени и выдающихся учителей обезпечивали солидной платой ⁵⁾. По всѣмъ централь-

¹⁾ Apolog. 3, 4. 9. 15.—Jacobitz, I, 436 sq. 441, 444.

²⁾ Renan. Marc-Aurèle et le fin du monde antique, Paris, 1882—с. III, p. 32—40

³⁾ Capitolini Antoninus Pius, с. 11.

⁴⁾ Renan, cit. op, p. 37.

⁵⁾ Примѣръ Лукіана, конечно, былъ не единственнымъ.

нымъ городамъ существовали риторскія и философскія школы, большею частью основанныя самими риторамъ и философамъ, и даже въ такихъ сравнительно захолустныхъ городахъ, какъ Самосаты, родина Лукіана, имѣлись училища для начальнаго образованія. Благодаря покровительству Антониновъ и всеобщему соревнованію, свободныя профессіи получили широкій просторъ для своего развитія. Жажда образованія, желаніе воспользоваться всеми данными на лицо средствами, чтобы по возможности изучить все науки, охватили общество, и всякій, чувствовавшій какое-либо стремленіе къ познанію, шелъ въ школу, слушалъ раторовъ и философовъ и стремился самъ сдѣлаться таковымъ же. Не всегда, однако, дѣйствовали, только эти чистые мотивы. Хорошее обезпеченіе, почетъ, слава, какими общество тогда надѣляло выдающихся раторовъ и философовъ, нерѣдко привлекали и массу разныхъ бездарностей, которые высокимъ званіемъ ратора или философа хотѣли прикрыть лишь свои эгоистическіе мотивы. Современная Марку Аврелію литература полна обличеній всякаго рода раторовъ и философовъ, обвиняемыхъ во всевозможныхъ человѣческихъ преступленіяхъ.

Свободныя профессіи распались тогда на два разряда: можно было быть или раторомъ или философомъ. Такъ какъ главнымъ занятіемъ Лукіана являлось раторство, то мы и рассмотримъ только положеніе раторства въ эпоху Антониновъ. Раторство, выражавшееся въ экспромтномъ произнесеніи рѣчей на современныя и интересующія слушателей темы, воплощало въ себѣ одно изъ самыхъ характерныхъ явленій древней греко-римской культуры и цивилизаціи и составляло собой важный факторъ исторической жизни, глубоко воздѣйствовавшій на политическій и общественный строй греко-римскихъ народностей. Съ развитіемъ въ Римѣ диктатуры и съ наденіемъ свободной Греціи, оно нѣсколько ослабло, но подъ влияніемъ благоприятныхъ для него условій правленія Антониновъ, ихъ щедрому покровительству наукъ и просвѣщенію, оно снова воскресло, расцвѣло и сдѣлалось общераспространеннымъ занятіемъ. Оно привлекало къ себѣ всехъ даровитыхъ людей своею независимостью и свободой, возможностью блеснуть своими талантами, обратить на себя вниманіе общества, нажить богатство и сдѣ-

латься знаменитостью. Здѣсь сказывалась та страсть къ зрѣлищамъ, та ненасытная жажда до всего новаго и оригинальнаго, которая лежала въ преданіяхъ, исторіи и племенномъ характерѣ греческаго и римскаго народа. Но это было уже не то классическое, высоко-мужественное краснорѣчіе, черпавшее свои мотивы въ великихъ общественныхъ движеніяхъ, которое питалось геройскимъ патріотизмомъ и выступало съ глубокимъ убѣжденіемъ и непреклонностью. На сцену исторіи выступили интересы дня, злобы ежедневной жизни; ни общественная, ни политическая жизнь не давала уже широкихъ темъ, для болѣе глубокихъ вопросовъ, способныхъ имѣть общекультурное значеніе. Жизнь сложилась въ опредѣленные рамки; все приняло законченную форму: люди наслаждались гуманнымъ и справедливымъ правленіемъ Антониновъ и не желали ничего лучшаго. Самый выборъ сюжетовъ для краснорѣчивыхъ операций сталъ затруднительнымъ, избобѣтались искусственныя темы. Діонъ Хризостомъ пишетъ похвалу волу, волосамъ и попугаю, Фронтонъ воспѣваетъ туманъ и пыль и рассказываетъ легенду о происхожденіи сна, Лукіанъ посвящаетъ одну изъ своихъ ораторскихъ рѣчей восхваленію достоинствъ мухи ¹⁾. Въ V вѣкѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ епископовъ, Синезіи Птолемандскій составляетъ пространный панегирикъ плѣшивости, въ которомъ онъ беретъ дань со всѣхъ наукъ, чтобы повѣдать читателямъ, что плѣшивость не только большое счастье, но и заслуга. ²⁾ Тѣмъ не менѣе ораторское искусство процвѣтало и высоко цѣнилось въ обществѣ. Вѣсть о пріѣздѣ въ городъ знаменитаго оратора вызывала цѣлую сенсацію: принимались всѣ мѣры, чтобы риторика почтить должнымъ образомъ; рабы обходили весь городъ и приглашали собраться гдѣ нибудь на площади, въ базиликѣ или въ обширной залѣ любителя словесности: публика на расхватъ раскупала скамьи и креслы, а для оратора устроялась возвышенная эстрада. Вотъ, восходитъ на эстраду софистъ. Онъ облеченъ въ бѣлую блестящую одежду изъ тончайшей тарентинской ткани, столь тонкой, что чрезъ нее просвѣчиваетъ его тѣло: волосы его надушены и испускаютъ пріятное бла-

¹⁾ *Encomirum muscae*; *Jacobitz*. III, 240 sqq.

²⁾ *Марта. Философы и поэты во времена римской имперіи* 1879. стр. 228.

гоуханіе, голова украшена искусственными цвѣтами или вѣнковъ изъ лавровъ, при чемъ рубины иногда занимають мѣсто ягодъ. Его ноги одѣты въ аттическіе изукрашенные женскіе башмаки или роскошныя войлочные туфли. Вкрадчивой улыбающейся миной и мягкостью выраженіи разнообразіемъ позъ и манипуляціи стремится онъ привлечь на себя вниманіе публики. ¹⁾ И какъ бы ни была ничтожна та тема, обработкѣ которой посвящена была рѣчь оратора, она блестящимъ стилемъ, подобранностью выраженій и остроуміемъ и произносимая съ необыкновеннымъ декламаторскимъ искусствомъ и изяществомъ позъ оратора, производила такое впечатлѣніе, что жадная до литературныхъ ощущеній публика не только прерывала рѣчь оратора шумными аплодисментами, но еще съ большей силой раздражалась ими при окончаніи рѣчи. Краснорѣчіе, остроуміе и разнообразіе красокъ иногда вызывали такой восторгъ у публики, что все присутствовавшее на лекціи общество не только привѣтствовало оратора бурными аплодисментами, но съ шумными оваціями провожало его домой. Когда Адрианъ тирскій, одинъ изъ знаменитыхъ ораторовъ 2 в. закончилъ свою блестящую рѣчь въ Афинахъ, вся присутствовавшая публика съ торжественной помпой проводила его домой. Кортель, сопровождавшій его, оказывали ему такія почести, какія приносились только жреческой фамиліи элевзинскихъ мистерій. По всей Греціи устраивали ему увеселенія и пиры и всѣ относились къ нему съ такимъ глубокимъ чувствомъ уваженія и любви, съ какимъ дѣти относятся къ своимъ родителямъ ²⁾. Всѣ риторы вели кочующую жизнь. Собрать богатую жатву вѣнковъ и денегъ, они опасались долго оставаться на одномъ мѣстѣ, въ справедливомъ разсѣчетѣ, что возбужденный ими здѣсь восторгъ скоро исчезнетъ или появится другой болѣе блестящій ораторъ и устранить ихъ со сцены: они ходили по всѣмъ провинціямъ и городамъ римской имперіи: повсюду оставались недолго и, если возвращались на прежнія мѣста своей дѣятельности, то посгѣ долгого отсутствія, въ надеждѣ, что новыя рѣчи пробудятъ

¹⁾ Ср. Марта, стр. 229 *Lucianus Rethorum praeceptor*, с. 12, 15 *Jacobitz*, III, 180, 182

²⁾ *Philostorg vita soph.* II, 10 4; p. 245. 246

прежній восторгъ. Лучшимъ примѣромъ этой бродячей жизни и можетъ служить самъ Лукіанъ

Но всё эти костюмы, изящныя позы, изощренныя риторскія украшенія рѣчи вызывались не однимъ желаніемъ позвать восторгъ публики. Они обѣщали оратору не только знаменитость и славу его имени, но и богатство. Популярныя риторы, собиравшіе у себя громадныя толпы учениковъ, помимо государственнаго жалованья и вознагражденій изъ городскихъ кассъ, взимали еще плату со своихъ учениковъ, минимумъ которой равнялся 5 драхмамъ (1 р. 25 к.) ¹⁾ И они щеголяли иногда царскою роскошью. Извѣстный уже намъ Полемонъ, основавшій въ Смирнѣ свою риторскую школу, въ которую стекалась масса юношей изъ сосѣднихъ странъ, выѣзжалъ не иначе, какъ на великолѣпной колесницѣ, запряженной парой лошадей, изукрашенной фригійскими или галльскими серебряными уздами съ цѣлой своей лошадей, слугъ и собакъ ²⁾. Тотъ же Адріанъ устроилъ себѣ блестящую каѳедру въ Аѳинахъ, всегда появлялся въ великолѣпной одеждѣ, украшенной драгоценными камнями, и лошади, на которыхъ онъ путешествовалъ, обращали на себя всеобщее вниманіе своей серебряной сбруей ³⁾. Не всегда, однако, софисты и люди свободной профессіи собирали около себя толпы учениковъ, обезпечивавшихъ имъ роскошь жизни. Были и крайніе случаи. Иные, будучи бѣдными, жадно взирали на благосостояніе, массу серебра и золота въ богатыхъ домахъ и старались пріобрѣсти себѣ друзей среди знатнаго и богатаго класса, принимали безплатное участіе на ихъ дорогихъ обѣдахъ, жили роскошно, со всѣми удобствами и катались въ мягкихъ коляскахъ, запряженныхъ бѣлыми лошадьми, чувствовали себя счастливыми и жили въ полномъ преизобиліи благъ. Секретъ ихъ счастья заключался въ томъ, что они продавали свои таланты богатымъ людямъ и изъ свободныхъ людей обращались въ рабовъ, стремившихся всего болѣе услужить своему господину. Они должны были вставать рано утромъ, толкаться то въ одинъ домъ, то въ другой, и, настойчиво, не стѣсняясь ни

¹⁾ De mercede conductis, с 14; Jacobitz; I, 413.

²⁾ Philostati, cit ed vita sophist II, 25: p. 218, 219

³⁾ Ibid. с. II, 10, 5—p. 245. Ср. Марта, cit. op.

чѣмъ, даже уличивая взятку какому-нибудь африканцу, чтобы онъ внесъ его въ записную книгу ¹⁾ Также и при оцѣваніи они должны были обращать самое серьезное вниманіе на свой костюмъ, чтобы онъ стоялъ въ соответствіи съ принятой при дворѣ ²⁾ модой, и покупая матерію для своихъ платковъ, они обяжались выбрать именно ту краску, какую любилъ ихъ всподниъ, чтобы ничѣмъ не отличаться отъ сопровождавшей его свиты и не произвести на него неблагоприятнаго впечатлѣнія ³⁾. — Всѣ риторы цѣнили свою славу, гордились своимъ положеніемъ, и иногда стремились выставить ее напоказъ. Когда знаменитому ритору Ливанію императоры не разъ предлагали одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей имперіи, онъ твердо отвѣчалъ, что предпочитаетъ оставаться софистомъ ⁴⁾. Риторъ Александръ, человекъ божественнаго вида, отличающійся красотой, съ кудрявой и умѣренно опущенной бородой, съ красивыми глазами и большимъ носомъ, вполне гармонировавшимъ со всей его фигурой, съ блестящими бѣлизной зубами, съ изящными пальцами, приносилъ блженіи именно къ тому, чтобы разъянять рѣчи ⁵⁾, предсталъ въ качествѣ посла отъ Фелевкии предъ императоромъ Антоніномъ Пиемъ. Такъ какъ императоръ, занятый оруджающими, долго не замѣчалъ такой образцовой знаменитости, то риторъ громко вскричалъ: „Цезарь, обрати же вниманіе и на меня“. Возмущенный нарушеніемъ придворнаго этикета, императоръ отвѣтилъ: „Я тебя знаю: ты тотъ самый человекъ, который такъ заботится о своихъ волосахъ, зубахъ и ногтяхъ“. Но ничто не оскорбляло такъ ихъ гордости, какъ невнимательное отношеніе къ нимъ слушателей. Такъ о немъ риторъ, Филагрий, надо сказать, человекъ довольно шенетливый, замѣтивъ о надеждѣ въ собраніи заснуваго

¹⁾ Что обычно было въ Римѣ при приемѣ клиентовъ у патротовъ.

²⁾ Дѣло идетъ именно о проживавшихъ въ столицѣ имперіи

³⁾ Luciani Apologia pro mercede conductis. c. 3 7 10. Jacobitz, I, 404, 408, 410

⁴⁾ Eunarii vitae въ цит. изд. Philostratr. Eunap. et Nim. p. 445.

⁵⁾ Не только у Филострата, но и у Лукіана при описаніи знаменитой личности всегда обращается вниманіе и на его вѣншую фигуру. Это чисто классическая точка зрѣнія: какъ въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа, такъ въ прекрасномъ тѣлѣ, прекрасная душа

⁶⁾ Philost. vit. soph. II, 5; p. 237, 238

слушателя, сошелъ съ эстрады, важными и мѣрными шагами съ достоинствомъ, подобающимъ оскорбленному человѣку, приблизился къ невинному сонливцу и разбудилъ его вниманіе величественной пощечиною ¹⁾. Таково было положеніе риторства въ эпоху Лукіана.

3. Повышеніе жизненной энергіи, сказавшееся во всѣхъ областяхъ политической жизни, не могло не отразиться и на такомъ важномъ проявленіи ея, какъ религія, но здѣсь эпоха Антониновъ раскрывается предъ нами со своей обратной стороны, въ своихъ отрицательныхъ чертахъ. Религіозное чувство замѣтно напрягается, становится интенсивнѣе и захватываетъ собой широкіе кружки общества, но своего удовлетворенія оно ищетъ не въ возвышенномъ представленіи Божества, а въ рядѣ суевѣрій, поражающихъ не столько своею грубостью, сколько тѣмъ необычайнымъ успѣхомъ, какимъ они пользуются во всѣхъ слояхъ греко-римскаго общества. Римъ исполнилъ свою историческую миссію; изъ небольшой республики, ограничивавшейся предѣлами Рима, онъ сдѣлался всемірной монархіей, подчинившей себѣ всѣ культурные народы древняго міра, и соединилъ ихъ въ одну общую семью, живущую подъ однимъ управленіемъ и однимъ закономъ. Это объединеніе всѣхъ націй въ одну обширную имперію, законченное въ эпоху Антониновъ, повлекло за собой важныя послѣдствія и въ области религіозной. Каждый новый шагъ на пути завоеваній, каждое пріобрѣтеніе новой провинціи приводило Римъ въ столкновеніе съ новыми культами, дотолѣ неизвѣстными ему, со своими богами, обрядами и жрецами. Ни здравый политическій умъ римлянъ, ни ихъ религіозное міросозерцаніе не позволяло имъ вступать въ какую-либо борьбу съ этими культами. Въ религіозномъ міровоззрѣніи римлянъ, какъ и всякаго язычника, не признающаго единобожія, каждая страна должна была имѣть своихъ боговъ, покровительствующихъ ей и пекущихся о процвѣтаніи ея. Въ языческихъ понятіяхъ, боги, какъ люди, распредѣлялись по національнымъ границамъ, и въ этихъ границахъ пользовались неприкосновенностью. Вступая въ чужую область, на территорію другаго народа,

¹⁾ Марта, стр. 235 У Филосторгія рассказъ скромнѣе, но грубѣе: риторъ ударилъ сонливца кулакомъ по головѣ Pilost. II 8 241

римлянинъ хорошо помнилъ, что онъ входитъ въ царство подвѣдомственное другому богу, и не только далеко былъ отъ мысли отвергать дѣйствительность этого бога, а напротивъ старался соотвѣтственными мѣрами заслужить его расположеніе. Множество фактовъ показываетъ, что римляне проявляли большое уваженіе къ чужимъ богамъ. Начиная напр. осаду непріятельскаго города, они сначала пытались привлечь на свою сторону покровительствующаго ему бога: до нашего времени сохранились любопытныя формулы призыва или переманиванія чужихъ боговъ, какими пользовались римляне въ подобныхъ случаяхъ; въ нихъ они съ величайшимъ почтеніемъ говорятъ о переманиваемомъ богѣ, обѣщаютъ строить ему храмы и праздновать игры, если онъ согласится держать въ войнѣ ихъ сторону ¹⁾. Естественно, что, будучи убѣждены въ дѣйствительномъ существованіи боговъ, римляне ни мало не были расположены отрицательно относиться къ культуамъ завоеванныхъ народовъ. Всѣ эти культы опирались на тотъ же національный и территоріальный базисъ, что и римская религія и для принимавшихъ ихъ иностранцевъ были такою же государственною повинностью, обезпечивающей правильное теченіе дѣлъ, какъ и римскій культъ для римскаго гражданина. Отсюда и вопросъ объ отношеніи къ нимъ государства римлянами рѣшался легко. Какъ подчиняемые Риму народы и населенная ими территорія по завоеваніи входили въ составъ римскаго государства, такъ и боги, правившіе этими народами, становились богами государственными и получали доступъ въ національную религію. Чаще и естественнѣе всего этотъ процессъ выполнялся при помощи отождествленія новаго бога съ прежде почитаемыми. Всѣ первобытныя религіи, какъ извѣстно, имѣли много точекъ соприкосновенія, такъ какъ истекали изъ одного источника,—изъ обоготворенія силъ и явленій природы. Встрѣчаясь съ новой религіей, римлянинъ прежде всего схватывалъ эту сторону сходства и, благодаря отсутствію въ своей религіи спеціальной мифологіи и выработанной индивидуальности боговъ, охотно признавалъ въ чужихъ богахъ своихъ собственныхъ, только почитаемыхъ

¹⁾ Буассе. Римская религія отъ Августа до Антониновъ, стр. 271

ночь другимъ именемъ. Предполагалось, что когда гресъ въываетъ къ Зевсу, а египтянинъ къ Озирису, онъ чинтъ то же единое высшее существо, какое римляне называли Юпитеромъ. Но этому процессу обожествленія по дѣлашь далеко не все боги. Съ покореніемъ Египта и Малой Азіи въ національную религію нахлынула чуждая масса боговъ и культовъ, которыхъ трудно было соединить съ прежними греческими и римскими богами. Египетъ подарилъ Риму не только Озириса, но Изиду и Анхиса съ его бычачьей головой, крокодилами и пр. Въ Малой Азіи процвѣтали культы Цибеллы, Атиса и Адониса. На крайнихъ границахъ Азіи царило вліяніе Персін съ ея магами и астрологами, и ея религіозный герой Митра везушь уже на римскую почву. Поклошники этихъ религій не скрываются въ какихъ-нибудь дальнихъ уголкахъ имперіи, а публичествуютъ по всей имперіи, открыто проповѣдуютъ свой культъ, пріобрѣтають себѣ многочисленныхъ поклошниковъ, и нхъ новыя божества восходятъ на греко-римскій Олимпъ и стремятся получить себѣ значеніе равное древнимъ богамъ. Магическія искусства и астрологическія предсказанія распространяются повсюду. Сувѣртіе охватываетъ высшіе и низшіе классы: на глазахъ у всѣхъ совершаются чудеса: каждый жергвенникъ и каменный камень даютъ предсказанія, лишь бы они политы были масломъ ¹⁾. Народаются люди-боги, создаютъ себѣ культъ и находятъ почитателей. Въ Агнѣ, въ деревнѣ Маравонъ и обружающихъ ее селеніяхъ, жили высоко чинны ильбого беепійца Сократа, называемаго Филостратомъ Маавонцемъ ²⁾, такъ какъ онъ являлся добрымъ гешемъ для своей страны. Простой поселянинъ, онъ обладалъ необыкновенно высокимъ ростомъ и могучей силой и вель дивизъ шаря, шгался молюкомъ кобыль, ослиць и коровъ и одьвается въ грубо-одьвлянную кожу вола. Прославившись, какъ и его нагронъ, Геркулесъ, освободженіемъ страны отъ дилхъ звѣрей, онъ привлекъ къ себѣ въ своей мѣстности глубокое уваженіе: говорили что его, какъ гшановъ, родила земля. Знаменитый софистъ того времени. Про дъ Агнца, ошакъ ды спросиль его: „счастливы-ли онъ себя безмернымъ какъ яе, какъ и Геркулесъ“

¹⁾ Deorum consilium. с 12; Jacobitz, III, р 581

²⁾ Отъ *μάροδος* — добрый.

Судрагъ отвѣтить, что оныя догматиче смертнаго. Его необычайная фигура, неслыхательный образъ жизни и подвиги произвели такое впечатлѣніе на окружающую его публику, что она его почитала, какъ нечто высшее, и прибѣгала къ его помощи, какъ къ лицу обладающему выше-человѣческой сущностью (*ὡς θεομόρια ἔσσι· εἴη περὶ τὸν ἄνθρωπον*)¹⁾.— Аполонетъ Ассизаторъ въ своей аполоніи, составленной между 176—180 въ правленіе Марка Аврелія, упоминаетъ Нериллина изъ Троады, получившаго репутацію пророка и божественнаго руководителя статуи его распространены быши по улицамъ Троады, прорицали и врачевали больныхъ, а греяны боговорили ихъ и украшали золотомъ и вѣнками²⁾.— Еще баснословнѣе и удивительнѣе исторія Александра Абонопейскаго, и всеѣмъ соудическимъ съ его именемъ розказанымъ трудно было бы повѣрить, если бы они не являлись гдѣ-нибудь фактомъ, заслуживательствованнымъ также цесарями. Родомъ Нафлагонецъ, оны уже своею паружностью и гдѣбкимъ умомъ обращать на себя всеобщее вниманіе. Прекрасное и высокое поуженіе его сана придавало его всей фигурѣ нечто величественное. Живою огненныи блескъ его глазъ открывалъ его внутреннее одушевленіе: его голосъ былъ ясенъ и отчетливо звучащій, короче, весь его вишній видъ не имѣлъ въ себѣ никакого недостатка³⁾. Въ самомъ существѣ его таилось нечто высокородное и свой умъ оны занимать не мелочами, а важнѣйшими и всеобъемлющими проблемами, къ тому же оны и свое воспаніаніе получить отъ одного изъ близкихъ учениковъ такой знаменности П. вѣка⁴⁾, такъ Аполоніи Тивельи. Господствующая греко-римская религія его не удовлетворяла и оны влялся за великое дѣло созданія новаго религіознаго дукта, и то можетъ служить самымъ характернымъ симптомомъ религіознаго состоянія греко-римскаго общества въ эпоху Марка Аврелія, что, не смотря на шарлатанскія мѣры, принятыя имъ для достиженія своихъ цѣлей, оны пожалъ не-обязательный успѣхъ. Постепенный упадокъ національной

1) *Philos. vita soph* II, I, 12—16: cit. ed. p. 228—229

2) *Supplic. pro christ*, c. 26

3) *Alexander sive Pseudomantis*, c. 3; *Jacobitz*, II, 169

4) *Alex. ibid.* c. 5; *Jacobitz*, II, *ibid.* p. 172.

религiи побуждать многихъ людей того времени, у которыхъ потребность въ вѣрѣ совѣтъ еще не исчезла, искать новыхъ откровенiй,—такія откровенiя тогда могли давать только оракулы, и устройство новаго оракула стало завѣтной мечтой Александра. Съ низко спускающимися кудрями, въ бѣлой блестящей, украшенной пурпуромъ одеждѣ съ легко натянутой на нее мантией съ серпомъ въ рукахъ, принявъ на себя видъ Персея ¹⁾, отъ котораго онъ производилъ свой родъ по женской линiи, онъ отправился въ путешествiе въ различныя страны, чтобы ознакомиться съ устройствомъ оракуловъ ²⁾. Послѣ долгаго путешествiя онъ возвратился на родину уже какъ свыше вдохновенный человекъ, на глазахъ у всѣхъ переживалъ моменты экстаза, при чемъ пѣна текла изъ его рта ³⁾. Онъ еще раньше изобрѣлъ съ однимъ изъ своихъ сотрудниковъ змѣю, имѣвшую голову, подобную человѣческой, раскрывавшую и закрывавшую уста, выщипавшую изъ рта черныи змѣиный языкъ и казавшуюся совершенно живою ⁴⁾. На основанiи божественнаго изреченiя онъ далъ ей имя „Гликонъ“ ⁵⁾.

Насталъ день торжественнаго открытiя оракула, и новый Эскулапъ сталъ дѣйствовать. Онъ явился предъ народомъ, окруженный уже многочисленными послѣдователями, сидя на креслѣ и держа на передней части своего тѣла большую и великолѣпную змѣю, столь длинную, что змѣя, окружая шею Александра, простиралась чрезъ все его тѣло и хвостъ при этомъ завивался по землѣ. Змѣя, имѣя человѣческую голову, раскрывала и открывала уста и смотрѣла ласковыми глазами на зрителей ⁶⁾. Чудеса происходили на глазахъ всѣхъ; носились слухи, что богъ пришелъ въ мiръ ⁷⁾, и дѣйствительно новый оракулъ сталъ скоро открывать себя въ сверхъестественныхъ явленiяхъ. Назначенья были опредѣлен-

¹⁾ Сынъ Зенсы и Данаи за одну услугу, оказанную имъ Гермесу и Аеннѣ, онъ получилъ отъ Гермеса—серпъ, а отъ Аенны зеркало. Подробности у Любкера, цит. соч. стр. 678. 679.

²⁾ Alex. с. 6—8; Jacobitz, *ibid* p. II, 172—174.

³⁾ Alex с 12; Jacobitz, II, 176.

⁴⁾ *Ibid*.

⁵⁾ Alex с. 18; II, Jacobitz, 190

⁶⁾ Alex с. 15. Jacobitz, II, 178. 179.

⁷⁾ Alex. с. 18 Jacobitz, II, 180.

ный день: масса народа собралась въ Абонотеихъ, мѣстожительство оракула: каждый подавалъ свою записку съ вопросами къ богу въ запечатанномъ конвертѣ и со своимъ адресомъ. Записки уносились во внутренность храма, гдѣ находилась змѣя-оракуль: чрезъ нѣсколько времени, когда получались отвѣты отъ бога, герольды или теологи вызывали собственниковъ записокъ и передавали имъ нераспечатанный конвертъ. Тѣ вскрывали письма, и съ необычайнымъ удивленіемъ читали тамъ отвѣтъ бога на предложенный ими вопросъ ¹⁾ Александръ не удовольствовался этимъ и открытъ автофонный, самоговорящій оракуль, при чемъ змѣя своими устами произносила предсказанія, предназначенныя специально для богатыхъ и знатныхъ ²⁾ Таковъ и былъ оракуль, сообщенный имъ Северіану, римскому генералу, присланному въ Малую Азію въ 161 г. ³⁾ въ качествѣ главнокомандующаго римскими войсками въ извѣстную намъ пармянскую войну. Оракуль гласилъ слѣдующее: „ты обуздаешь силу оружія армягъ и персовъ, скоро возвратишься въ Римъ, къ быстрому теченію Тибра, съ блестящими лучами на головѣ и съ короной, украшенной лаврами“, но въ сраженіи, происшедшемъ на берегахъ Евфрата, единственный легіонъ, какой имѣлся въ распоряженіи римскаго полководца, былъ уничтоженъ. Александръ изгладилъ въ протоколахъ свой оракуль и взявъ его составилъ новый: „не подвергайся опасности армянскаго похода; тамъ тебѣ угрожаетъ стрѣла мужа, облеченнаго въ женскую одежду, пошлетъ яростіи смерти, лишитъ тебя жизни“ ⁴⁾. Вѣроятно и Люцій Веръ, какъ извѣстно, пребывавшій тогда въ Антиохіи, не чуждъ былъ общенія съ этимъ чародѣемъ. Сохранилась медаль: на одной сторонѣ ея находится изображеніе головы Люція Вера, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на оборотѣ: „Самодержецъ Кесарь Люцій Аврелій“, — на другой фигура бородатой змѣи, поднимающей на языкъ хвоста и надписъ: *Glucou Ionopolis* ⁵⁾ Пафлагонія оказалась

¹⁾ Alex. c. 19. 20; Jacobitz, II, 180. 182

²⁾ Alex. c. 26; Jacobitz, II, 186

³⁾ Историческія обстоятельства, см Schiller, cit, op. 641.

⁴⁾ Alex. c. 27; Jacobitz, II, 186 187.

⁵⁾ Aube. Histoire de persecution de l'eglise. La polémique paienne a la fin du 2 siecle 10 edition Paris 1878, p 119

сѣнникомъ увидѣвъ мѣстомъ для релігіозной реформы, предпринятой Александромъ. Онъ послалъ во все области римской имперіи вѣстниковъ, возвѣщавшихъ о явленіи новаго оракула и рассказывавшихъ, какъ онъ истинно пророчес- ствуетъ, открываетъ убѣжавшихъ рабовъ, разоблачаетъ воровъ и разбойниковъ, находитъ скрытыя сокровища, исцѣляетъ болѣзнь и даже воскрешаетъ нѣкоторыхъ мертвыхъ ¹⁾. Все это происходило пока въ границахъ Пафлагоніи, Іоніи и Сиціи ²⁾. Слухъ объ новомъ оракулѣ дошелъ и до столицы имперіи и вся публика, включая сюда богатую и знатнѣйшую, бросилась въ Римъ, шныре присылали сюда своихъ людей. Все головы вскружились при первомъ извѣстіи о прибытіи въ Римъ мага, и съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждали его при дворѣ, приводя въ гренеть свои души вопросомъ: а что онъ скажетъ ³⁾? И какого высокаго авторитета достигъ здѣсь этотъ шарлатанъ, видно изъ того, что одного автофоннаго пророчества его достаточно было для того, чтобы Публий Рутиліанъ, одинъ изъ высокопоставлен- ныхъ лицъ при дворѣ, впоследствии проконсулъ Азіи, женился на дочери Александра Рутиліи, рожденной имъ, по его разказу, отъ связи съ Луной ⁴⁾. Посвятивши здѣсь многихъ въ свои таинства, онъ задумалъ отпраздновать свое торжество предневыми мистеріями съ гіерофантами и фальсильнымъ шествіемъ. Торжество открыто было возгласеніемъ: „если кто-либо изъ агенстовъ,—христіане будутъ то или ени- курейцы, задумають принять участіе въ нашей святой тра- пезѣ, то нужно выгнать ихъ. Только все вѣрующіе, почта- гатели нашего бога могутъ участвовать въ этихъ тайныхъ мистеріяхъ для спасенія и благополучія“ И Александръ первый подавъ сигналъ къ общему крику: „вои христіане! вои еникурейцы!“ Затѣмъ драматически было представ- лено шествіе Лагоны и рожденіе Аполлона ⁵⁾, торже- ство Короны (созвѣздія) и рожденіе Эскулана, въ слѣдую- щій день зрители имѣли предъ собой драматическое изобра-

¹⁾ Alex с 24. Jacobitz, II, 184.

²⁾ Alex 30; Jacobitz, II, 188.

³⁾ Alex 31, Jacobitz, II, 188, 189.

⁴⁾ Alex с 33—35 Jacobitz, II, 189—191.

⁵⁾ Лагона, дочь Фея и Кеба, титанка, до Геры жена Зевса, съ которымъ она прижила Аполлона.

женіе появленія Гликоша въ міръ и его чудесное рожденіе. Драма третьяго дня особенно была эффектна. Самъ гіерофантъ (Александръ) разыгрывалъ роль Эндимиона, въ котораго, по древнему мнѣю, влюбилась луна. Онъ лежалъ сляпымъ среди залы,—и вотъ спускается какъ бы съ неба вмѣсто луны блестящая красавица Рутитія, дочь Александра отъ луны, жена Рутитіана: она представляетъ себя весьма влюбленною въ гіерофанта. Они обнимаются и цѣлуются въ присутствіи ревниватаго мужа. Настала пауза удивленія и зѣвгьмъ раздалась крики: „да здравствуетъ Гликошъ! браво, Александръ“ ¹⁾ Здѣсь же, еще во время пребыванія въ Италиі, онъ выступилъ въ качествѣ пророка, предрекающаго будущее: во весь города римской имперіи посланы были вѣстники, возвѣщающіе о новомъ откровеніи оракула, предсказывающаго скорое наступленіе во всѣхъ мѣстахъ римской имперіи заразительныхъ болѣзней, землетрясеній и пожаровъ, при чемъ сообщалась и заклинательная формула, которую нужно было набить на дверяхъ дома, чтобы освободить себя отъ болѣзни. Повальная болѣзнь дѣйствительно настала ²⁾, и масса людей стала расквашивать заклинанія ³⁾. И еще разъ выступилъ онъ въ качествѣ пророка, рѣшающаго теперь уже важныя государственныя вопросы. Маркъ Аврелій, вставшій въ концѣ своего царствованія во главѣ продолжительной борьбы съ германскими варварами (квадами и маркоманнами), часто терпѣлъ серьезные пораженія. Въ одинъ изъ такихъ критическихъ моментовъ онъ призвалъ къ себѣ Александра, чтобы узнать предсказаніе оракула. Гликошъ повелѣлъ бросить двухъ живыхъ львовъ въ рѣку Дунай и совершить торжественныя церемоніи ⁴⁾. Приказаніе оракула было исполнено, и этотъ фактъ подтвержденъ однимъ барельефомъ. На барабанѣ, на которомъ изображенъ Антонинъ, изображенъ М. Аврелій въ костюмѣ поитифекса, окруженный многими лицами, облеченными въ длинныя одежды: правая рука по дуговая, какъ бы совершающая лобзанію на переносномъ алтарѣ, поставленномъ

¹⁾ Alex. 38—39; Jacobitz, II, 192, 193.

²⁾ Она засвидѣтельствована исторіей. Schiller, s. 64

³⁾ Alex. с. 36. Jacobitz, II, 191, 192.

⁴⁾ Alex. с. 48. Jacobitz, II, 199.

на треножникъ, надъ которымъ возносятся вѣнчѣмъ: ниже корабль въ волнующейся рѣкѣ; впереди два связанные льва, бросающіеся въ воду ¹⁾. Характерно то, съ какою легкостью само государство въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгало къ помощи наиболѣе популярнаго культа своего времени. Магъ и пророкъ достигъ теперь высшаго торжества. Въ Абонотейхѣ, мѣстѣ постоянного пребыванія оракула, не хватало ни пространства, ни галлерей, ни портиковъ, чтобы прокормить и помѣстить множество людей, посѣщавшихъ оракулъ ²⁾. Молва о чудотворцѣ вышла за предѣлы Римской имперіи,—ассирійцы, кельты и другія чужестрашныя племена посѣщали городъ и предлагали вопросы на своихъ языкахъ. Дневнаго оракула уже не хватало; заговорилъ ночной оракулъ; появились экзегеты и переводчики ³⁾. Вся организація получила прочное устройство. Александръ присвоилъ себѣ имя Юпитера и Юноны, добился того, чтобы его городу дали имя Юнополисъ и стали печатать монеты, на одной сторонѣ которыхъ изображался самъ Александръ съ украшенной вѣнками головой Эскулана и съ серпомъ Персея, а на другой сторонѣ Гликонъ ⁴⁾. Онъ умеръ въ Наріумѣ въ полной славѣ, не достигши 70 лѣтъ отъ роду. Уже около 178 г. статуи его были предметомъ почитанія въ Наріумѣ, гдѣ находилась его гробница и статуя; скоро культъ его проникъ и въ другіе города, гдѣ на общественный счетъ устраивали жертвоприношенія и праздники ему, какъ будто внемлющему богу ⁵⁾. Латинскія надписи, найденныя въ Даліи и верхней Мидіи, показываютъ, что Гликонъ имѣлъ многочисленныхъ поклонниковъ и по окраинамъ имперіи и что Александръ здѣсь ставился съ нимъ рядомъ, какъ богъ. На этой почвѣ возникла новая теологія. Гликонъ поставленъ былъ въ связь съ реишемъ плодородія Хубисомъ и местническимъ божествомъ Іао. Нипомидія еще 340 г. сохраняла изображеніе змѣи съ человѣческой головой на своихъ монетахъ.

1) Aube, p. 123.

2) Alex. 49; Jacobitz, II, 199—200.

3) Ibid.

4) Alex. с. 58; Jacobitz, II, 206.

5) Athenag. Suppl. pro christ. с. 26

а въ 252 г. культъ Геликона процвѣтаетъ въ Ионнолісѣ ¹⁾
 Въ *corpus iuscript. lat.* сохранилась надпись:

Jovi et uno

N. et dracco

N et dracce

nae et Alexandro ²⁾.

Даже философія времени Антонинова не была чужда самыхъ грубыхъ суевѣрій. У постели больного аѳинянина Евкрата собрались перипатетикъ Клеодемъ, стоикъ Димонахъ и Юнъ, знатокъ философіи Платона, и разсуждаютъ о средствахъ излеченія больного. „Если—предлагаетъ Клеодемъ,—зубъ убитой землеройки вытянуть лѣвой рукой изъ земли и вшить его въ хорошо очищенную кожу льва и повязать ею колѣпа больного,—боль прекратится мгновенно“—„Нѣтъ,—прерываетъ его стоикъ Димонахъ,—пужю зашить въ кожу молодого оленя, такъ какъ онъ очень быстрое животное, и главная его сила въ ногахъ“.—Ученый платоникъ идетъ еще дальше и опирается на собственное наблюденіе. Къ его отцу пришелъ разъ несчастный челоувѣкъ и разсказалъ, что его садовникъ Мида, одинъ изъ самыхъ сильныхъ и прилежныхъ рабочихъ, укушенъ ядовитой змѣей и нога его стала гнить, такъ что онъ долженъ былъ лежать на кровати. Одинъ присутствовавшій тутъ знакомый предложилъ привести вавилонянина, умбющаго нецѣлять болѣзни. Является вавилонянинъ, посредствомъ мистическаго изреченія изгоняетъ ядъ и привязываетъ къ ногѣ больного вещичку, взягую изъ гробницы умершей дѣвственницы. И чудо совершилось; больной поднялся на кровати, взявъ ее на плечи и твердыми шагами прошелъ по имѣнію ⁴⁾. И дѣйствительно, въ области суевѣрій дальше идти было уже некуда...

4. Въ переходные періоды исторической жизни народовъ, когда устои стараго порядка рушатся, распадаются на свои составныя части, и новыхъ основъ для будущаго еще не видится, когда недостатки, пороки и язвы общественнаго и политическаго строя особенно выдѣляются наружу, когда

¹⁾ Renan Marc. Aurele cit. op. p. 51.

²⁾ Aube, cit. op. p. 124.

³⁾ Philopseudes. c. 7; Jacobitz III, 106

⁴⁾ Philopseudes c. 11. Jacobitz, III, 198 199.

человѣческая личность теряет основы своего бытія, литературное творчество народа обыкновенно самое яркое выраженіе для себя находитъ въ сатирѣ. Переломъ политическаго строя Рима отъ республики, диктаторства, тріумвирата до утвержденія монархіи въ римской письменности ознаменовался рядомъ сатирическихъ произведеній, вышедшихъ изъ подъ пера Горация, Персія, Флакковъ, Петронія ¹⁾ и Ювенала ²⁾. Въ эпоху Антониновъ, и именно въ тотъ моментъ, когда въ исторіи этого знаменательнаго періода впервые наблюдается упадокъ, роль древнихъ сатириковъ пала на долю Лукіана.

Оцѣниваемые съ исторической точки зрѣнія Лукіанъ и его творенія могутъ быть признаны однимъ изъ характернѣйшихъ явленій эпохи Антониновъ, ярко отпечатлѣвшихъ на себѣ отрицательныя черты ея, тотъ начавшійся во всѣхъ странахъ общественной и культурной жизни упадокъ, какимъ отличается конецъ правленія Антониновъ. Софистъ, обошедшій почти всю римскую имперію, онъ въ своихъ сочиненіяхъ сохранилъ цѣлый рядъ наблюденій, взятыхъ изъ самой жизни, изъ ея ежедневнаго обихода и въ художественно изображенномъ и нарисованномъ въ бытиихъ въ глаза краскахъ воспроизведеніи лицъ и фактовъ, событій, случайныхъ встрѣчъ и разговоровъ предъ читателемъ раскрывается живая картина, взятая просто изъ дѣйствительности во всей той оттапливающей непримлядности, въ какой она рисовалась въ сознаніи Лукіана. Отъ его внимательнаго и критическаго взора не ускользнуло ничто: математика, астрономія, исторія, риторика, философія, поэзія и искусство, религія и соединенныя съ ней суевѣрія. Онъ стремился дѣйствовать на слушателей не отвлеченною логикою, не теоретическимъ изложеніемъ своихъ мыслей, но образами, главными лицами, взятыми во всей ихъ реальной дѣйствительности. Преимущественной формою его произведеній является діалогъ, и общая композиція его трудовъ представляетъ собою не ученый трактатъ, а театр, на сценѣ котораго непрерывно смѣняются сюжеты и актеры. Но самой отличительной особенностью его личности и умственнаго

¹⁾ Характеристику ихъ см. Schiller. Geschichte romische Kaiserzeit. В. i. 11th Gotha 1888 с. 468.

²⁾ Персій и Ювеналь см. у Марта, cit. op. 107 сл. 257 сл.

міросозерцанія, всецѣло опредѣляющей содержаніе и направленіе его сочиненій, придавшей ему особый интересъ, выдѣлившей его рѣзкими чертами отъ другихъ современныхъ ему писателей и обезпечившей ему знаменитость и славу, какъ у его современниковъ, такъ и у позднѣйшихъ поколѣній—это особый складъ его мышленія, юмористическій—саркастическій. Во всѣхъ идеяхъ, какія онъ обсуждаетъ, во всѣхъ лицахъ, проходившихъ предъ его умственнымъ кругозоромъ, онъ воспринимаетъ только отрицательную сторону, достойную лишь смѣха и порицанія. Все его міросозерцаніе возникло изъ чувства недостижимаго или недостигнутаго идеала и онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, можетъ быть, не многихъ людей того времени, которые, потерявъ вѣру во всякое высшее благо, весь свой острый умъ, свой опытъ и знаніе людей приложили къ тому, чтобы изобразить глупость и ничтожность жизни, напрасно стремясь, а часто не имѣя въ запасѣ ничего лучшаго и цѣннаго, чтобы создать себѣ что-ли твердое и прочное на мѣсто потеряннаго и забытаго. Несомнѣнно Лукіанъ обладалъ значительною начитанностью и имѣлъ запасомъ учености, какой давали риторекія и философскія школы того времени, но ства-ли онъ что-нибудь изучалъ серьезно. „Онъ привыкъ читать быстро,—говоритъ одинъ изъ его поклонниковъ Croiset,—и судить кратко: съ присущей его уму сообразительностью онъ мало тратилъ времени на то, чтобы всмотрѣться внимательно въ читаемыя имъ произведенія, понять ихъ характеристическія черты и оригинальность фізіономіи. Его умъ, живой и дѣятельный скользилъ по идеямъ и онъ довольствовался поверхностнымъ познаніемъ. Входить въ обсужденіе изученнаго имъ въ общемъ и цѣломъ,—онъ не имѣлъ ни терпѣнія, ни пріоры взгляда для того, чтобы хорошо понять его. Нѣкоторые частности его увеселяли и интересовали, и онъ овладѣвалъ ими мимоходомъ и въ этомъ состояло все, что удержалъ онъ при себѣ ¹⁾ и это повелоду: въ математикѣ, религіи и философіи: вездѣ наблюденія превосходны, ни съ синтеза ²⁾ — Это узобокій строй его ума отразился и на его юморѣ и сарказмѣ. „Въ человѣческомъ обществѣ онъ ничего не видѣлъ.

¹⁾ Croiset, cit. op. p. 92

²⁾ Ibid p. 111

кромѣ глупости, лукавства и безумія и никогда не замѣчалъ разума, который несло будущее, неспособенъ былъ въ своихъ противникахъ отличить ложь отъ элемента истины, заключающаго въ ней. Его смѣхъ неумолимъ, непрерывенъ, неумолкаемъ и остроуменъ, можно сказать пронзительный, но безъ веселости и основательности ¹⁾. „Я другъ истины,—опредѣляетъ свою собственную жизненную задачу самъ Лукіанъ,—другъ всего прекраснаго, естественно-натуральнаго и всего истинно достойнаго любви и непримиримый врагъ всякаго хвастовства и лжи, кричащей на рынкахъ темпоты, и всей душой ненавижу подобнаго рода людей ²⁾“, — сарказмъ и беспощадная полемика явились осуществленіемъ этой задачи.

Самый характеръ сатиры измѣнился. Великіе общественные перевороты, всеобхватывавшія общественныя движенія, ознаменовавшія собою переходъ отъ республики къ монархіи сошли съ исторической сцены: политическія права отняты были отъ гражданъ и отданы въ руки сложной центральной и областной администраціи. Жизнь потеряла свое идеальное содержаніе, и мысль ограничивалась узкимъ горизонтомъ. Широкія обобщенія стали ей недоступны, и ея вниманіе сосредоточилось на частностяхъ и случайностяхъ. Сатира идетъ по тому же пути упадка, мелочности, случайныхъ и искусственныхъ сопоставленій. Возникла изобрѣтательность, такъ сказать, своеобразная игра фантазій, и истинное художественное творчество, опиравшееся на политическія и соціальныя идеи, исчезло. Такова и сатира Лукіана. Онъ разсматриваетъ все важнѣйшія явленія своего времени, но онъ нигдѣ не входитъ въ глубь вещей, не развиваетъ никакой принципиальной точки зрѣнія на вопросъ. Лукіанъ, можно сказать, прошелъ всю свою жизнь, какъ посторонній наблюдатель, все осмѣивая, надъ всемъ подѣваясь, не оставивъ никакой оригинальной мысли по себѣ, не указавъ никакого просвѣта изъ того мрака, пустоты и ничтожества, въ которомъ погружена жизнь человѣческая во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но все эти внутренніе недостатки Лукіана покрываются его обработаннымъ стилемъ, остроуміемъ мысли.

¹⁾ Ср Aube, cit op p 113 114.

²⁾ Piscatur. c. 20; Jacobitz, I, p 352

блестящій искорками проніи самой живої фантазіей, множествомъ удачныхъ наблюденій, отъ которыхъ не ускользала никакая мелочь и въ особенности поразительнымъ умѣніемъ комбинировать лица и событія такъ, что они невольно вызываютъ у читателей захватывающій интересъ, а иногда и веселый смѣхъ.

Религіозная сфера, какъ она развилась въ эпоху Марка Аврелія съ ея массой суевѣрій, религіознымъ шарлатанствомъ, съ новыми чудотворцами и богами, заключала въ себѣ богатый матеріалъ для примѣненія сатирическаго и юмористическаго таланта Лукіана, и здѣсь онъ дѣйствительно нашелъ для себя плодотворную почву: уже біографія Александра Абопотейскаго составлена имъ для того, чтобы раскрыть всѣ продѣлки этого шарлатана и злостно осмѣять его. Его этюдъ о сирійской богинѣ, раскрывающій въ себѣ исторію этого культа и связанныхъ съ нимъ суевѣрій, можетъ и въ настоящее время служить источникомъ для изученія мѣлологіи его времени. Но главнымъ предметомъ его боевой полемики и неподражаемаго юмора являются боги, національный культъ въ томъ его умноженномъ составѣ, въ какомъ онъ сложился ко времени его литературной дѣятельности. Гомеръ первый воспѣлъ теогонію греческихъ боговъ во всей некрасивой паготѣ ея и откровенной наивности. Гезіодъ далъ ей систему, и—эта сложная и разработанная мѣлологія древнимъ гречествомъ, а отчасти римлянами принялась со всею убѣжденностью вѣрующаго язычества, служила тѣмъ, что у христіанъ—Библия и Евангеліе.—Кое-кто и не очень малочисленное количество лицъ еще ранѣе Лукіана выступали противъ крайностей языческаго культа. Аристофанъ, хотя и не имѣлъ никакого желанія отрицать боговъ, но не лишился себя удовольствія придавать смѣшную и постыдную роль нѣкоторымъ второстепеннымъ богамъ, какъ напр. Бахусу: однажды Еврипидъ принужденъ быть зрителемъ уничтожить неприличное слово, произнесенное противъ Юпитера¹⁾. Теорія Евгемера подорвала прежнее ученіе о томъ, что боги представляютъ собой сверхъестественныя, небесныя существа и учили о человѣческой ихъ сущности. Эпикуреецъ Веллій у Цицерона собралъ все, что могъ образованный че-

¹⁾ Ср. Марта, цит. соч. стр. 343

товѣкъ того времени сказать позорнаго о богахъ и дать Минуцію Феликсу богатый матеріалъ для обличенія язычества и Сенека во имя высшаго духовнаго принципа отрицалъ необходимость матеріальнаго культа. Геніальный Лукрецій въ своемъ стихотвореніи о природѣ боговъ, во имя науки и разума, убѣжденно преслѣдовалъ безцѣльныхъ и презрѣнныхъ римскихъ боговъ ¹⁾—Современная Лукіану философія не выработала себѣ опредѣленнаго отношенія къ религіи. Если стоики умѣли сочетать свою философію съ почитаніемъ боговъ, въ которыхъ они видѣли олицетвореніе натуральныхъ силъ природы, то рядомъ съ ними стояла школа Эпикура, одного изъ бѣстязныхъ созданій древности. Отрицателемъ боговъ онъ не былъ, но подводя все въ природѣ и человѣческой жизни подъ законы физической необходимости, онъ рѣшительно отвергалъ провидѣніе и разрушалъ всякую связь между богомъ и міромъ. Божественное провидѣніе—изобрѣтеніе человѣческой фантазіи, не знающей законовъ природы. Боги — блаженныя существа, не утруждающія себя заботами о мірѣ и предоставляющія всему міровому порядку идти своимъ путемъ ²⁾.

Но никогда еще греко-римскіе боги не подвергались такому позорному осмѣянію, сарказму и прощамъ, какъ въ сатирахъ Лукіана. Онъ низводитъ ихъ съ неба на общественную сцену, заставляетъ ихъ самихъ говорить и раскрывать предъ всѣмъ человѣчествомъ свои недоумѣнія, слабости и пороки. Вся эта масса боговъ и богинь, собравшихся на греко-римскомъ Олимпѣ, по очереди выступаетъ предъ зрителями и съ откровенною наглостью разсказываетъ о своихъ любовныхъ похожденияхъ. Въ этомъ отношеніи однимъ изъ интереснѣйшихъ этюдовъ его являются „Диалоги боговъ“.

¹⁾ Марта, цит 371 стр. ср Schidt, cit op. s 23.

²⁾ Лукіанъ не былъ эпикурейцемъ, но его симпатіи къ этому ученію, въ которыхъ онъ находилъ много сроднаго своимъ воззрѣніямъ,—несомнѣнны. Онъ глубоко возмущается поступкомъ Александра Абонотевха который приобрѣлъ себѣ книгу съ положеніями Эпикура, привнесъ ее на рынокъ и въ присутствіи толпы сожегъ ее въ огнѣ. „Этотъ несчастный, конечно, не зналъ, какъ много добра приноситъ своимъ читателямъ эта книжка, какъ она охраняетъ безстрастное спокойствіе, свободу души отъ страха и ничтожныхъ измышленій, ложныхъ ожиданій и тщетныхъ желаній, помогаетъ самостоятельности мыслей и познаванію истины и т д (Alexander, с 27; Jacobitz, cit ed II 197, 198.

гдѣ боги воспроизведены во всемъ своемъ скандальному сладострастїи и съ такими пикантными подробностями, какіе неудобны во всякой приличной печати ¹⁾. Здѣсь сатира Лукіана получаетъ общегульгурное значеніе, движется иногда моральными мотивами и достигаетъ высшей точки своего развитія. Лукіанъ—не врагъ боговъ. Онъ беретъ ихъ, какъ наличный фактъ, данный въ дѣйствительности, не анализируетъ его, не входитъ въ какое нибудь научное обсужденіе и по обыкновенію замѣчаетъ только позорныя, недостойныя осмѣяію стороны. Назвать его агенствомъ ²⁾ въ томъ теоретическомъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется въ настоящее время, нельзя уже потому, что онъ не входилъ ни въ какія метафизическія разсужденія о сущности Божества. Онъ просто былъ невѣрующій человекъ. Греко-римскіе боги, какъ боги, лично для него не существовали. И его борьба съ ними непримирима. Ближайшая задача всей его полемики противъ боговъ и состоитъ въ томъ, чтобы низвести ихъ съ божественнаго пьедестала, показать ихъ ничтожность и пустоту и сказать своимъ современникамъ: вотъ смотрите, что у васъ за боги. Онъ отпосится къ богамъ, какъ политическій фронтдеръ, недовольный наставшимъ правительствомъ и, прямо не отвергая его, ищетъ скандальную хроніку двора, чтобы опорочить своего противника.

Положеніе римскихъ боговъ въ томъ ихъ непримиримомъ разнообразїи и всеобъемлющемъ, но чисто случайномъ спикретизмѣ, какой окончательно выработался въ эпоху Марка Аврелія, нигдѣ не нашло такого яркаго и всесторонняго отраженія, какъ въ его небольшомъ діалогѣ „Собраніе боговъ“ ³⁾. Лукіанъ здѣсь беретъ боговъ какъ бы подъ свою защиту, представляетъ дѣло такъ, что боги тронуты при видѣ того, какъ Олимпъ наполняется многими иностранными богами и существами, не имѣющими никакого права на божество, и стремятся очистить себя отъ этой примѣси чужероднаго элемента.

Уже начало собранія открылось признаками шума, тревоги и безпокойства: многіе боги толпились по угламъ залы

¹⁾ См. его *Dialogi deorum* и *Dialogi marini*. (Jacobitz, I, 91—151 156—185).

²⁾ Ср. Hime, cit. op. p. 29. Croiset, p. 280.

³⁾ *Consilium deorum* Jacobitz III, p. 575—584

собрания и что-то странное шептали другъ другу въ уши. Причина этого поведенія боговъ заключалась въ томъ, что многіе существа подубожественнаго достоинства и вовсе лишеныя права на него, пробрались на Олимпъ, участвуютъ въ общей трапезѣ боговъ и считаютъ себя равными съ древними греко-римскими богами. Поднимался дѣйствительно серьезный для всѣхъ присутствовавшихъ и чужестранныхъ боговъ вопросъ, кто изъ нихъ имѣеть право на почетное званіе божества и будетъ ли это право признано общимъ собраніемъ ¹⁾. Докладчикомъ выступаетъ Момъ (богъ ночи). Онъ пораженъ, усматривая, что въ число боговъ не только втиснулись прежде бывшіе простыми людьми, но и участвуютъ въ равной чести съ богами, сидятъ за общимъ столомъ и внесли себя въ списки боговъ, но и привели съ собой на небо всю свою свиту, желая и ее возвысить въ одинаковыя права. Вотъ Панъ, Силенъ ²⁾, Сатиръ ³⁾,—какое неуклюжее общество. Одинъ имѣеть рога и половиной своего туловища напоминаетъ козла; другой съ шлетью на головѣ и вздернутымъ носомъ всегда сидитъ на ослѣ; третій простой мужикъ изъ Фригій съ высокозаостренными ушами и съ небольшими бычачьими рогами на лысой головѣ. Смотри, какъ махаетъ хвостами вся эта компанія. И мы должны-ли удивляться, тому, что люди не имѣють къ намъ никакого уваженія, когда видятъ, что боги представляютъ собой столь чудовищныхъ и смѣшныхъ существъ ⁴⁾? Вотъ Мидянскій Митра въ его кафтанѣ и съ тѣарой на головѣ—онъ тоже впутался въ нашу среду; да, вѣдь онъ ничего не понимаетъ по гречески и не умѣеть вести себя прилично въ обществѣ боговъ. „А ты Анубисъ съ

¹⁾ Deorum Consilium. Jacobitz. III, 575.

²⁾ Silenus—Силенъ, сынъ Гермеса и одной Нимфы или Пана, постоянный учитель, спутникъ и воспитатель Пана. Это оригинальная фигура древняго сатира,—вѣчно пьянаго, веселаго и добродушнаго старика съ лысой и тупымъ носомъ, жирнаго и толстаго, какъ винный мѣхъ. Съ послѣднимъ онъ же разлученъ: собственныя ноги рѣдко могутъ держать его; обыкновенно онъ ѣдетъ верхомъ на ослѣ (Любкеръ, cit. op. s. 931).

³⁾ Сатиры, служители Диониса, представители чувственной и роскошной жизни природы въ вакхическомъ кругу; фигура ихъ козлиная, возвышенная до человѣческой; они имѣють взъерошенные волосы, сильно сгнутой носъ, заостренные козливыя уши и козлиный или лошадиный хвостъ (Любкеръ *ibid.* стр. 897).

⁴⁾ с 6. 7. Jacobitz, III, 578, 579

собачьей головой, завернутый въ пелсики египтянина! какъ ты, мой другъ. И какимъ образомъ ты можешь быть богомъ съ твоимъ собачьимъ лаемъ? И чего хочеть отъ насъ этотъ пестрый Мемфисскій быкъ, заставляющій поклоняться себѣ, изрекающій оракулы и имѣющій своихъ жрецовъ. Мнѣ стыдно говорить вамъ объ собакахъ, обезьянахъ, козлахъ и еще болѣе отвратительныхъ существахъ, какимъ-то не понятнымъ образомъ забравшихся на небо. И какъ вы, боги, терпите, что эти чудовища пользуются одинаковымъ съ вами почитаніемъ? А ты, Юпитеръ, какъ ты можешь выносить тѣ бараньи рога, какія тебѣ насадили на лобъ? ¹⁾—Добрый Юпитеръ, председатель собранія, на этотъ послѣдній упрекъ, прямо направленный по его адресу, ограничивается только простымъ замѣчаніемъ: „это все — таинственные символы, не посвященнымъ въ которые смѣяться не позволено ²⁾“.

Желая положить конецъ всѣмъ этимъ злоупотребленіямъ, вравшимся въ міръ боговъ, собраніе рѣшило издать слѣдующій эдиктъ. Принимая во вниманіе, что огромное число чужестранцевъ не только грековъ, но и варваровъ, совершенно недостойное принять участіе въ нашихъ правахъ, тайкомъ внесло себя въ списки боговъ и, перейдя въ состояніе боговъ, наполнило небо всевозможными языками и напу трапезу обратило въ шумный сбродъ и, кромѣ того, дерзновенные въ своемъ невѣжествѣ взяли верхъ надъ древними истинными богами и, вопреки давно принятымъ обычаямъ, даже на землѣ претендуютъ на первыя почести, слѣдуетъ составить комиссію изъ семи судей, въ которую по очереди долженъ явиться всякій, претендующій на обладаніе божествомъ. И если кто предстанъ предъ комиссіей, въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей, не докажетъ своего божества, тотъ отправляется въ свой гробъ или родовое помѣстье, и если кто, нарушая это постановленіе, еще разъ дерзнетъ забраться на небо, то такового отправляютъ въ тартаръ. Вѣщныя изображенія ихъ уничтожить и замѣнить статуями Юпитера, Юноны, Аполлона или же какихъ-либо другихъ боговъ, признанныхъ дѣйствительными. Лишенные божества должны довольствоваться тѣмъ, что надъ могилами

¹⁾ с 9—10. *Jacobitz* III, 578. 580.

²⁾ с 11; *Jacobitz*, III, p. 580

ихъ будутъ воздвигнуты вмѣсто алтарей холмы. А кто не поспѣдуетъ приглашенію и не явится предъ судомъ, тотъ присуждается *in contumacia*—(безчестіе, позоръ). Предсѣдатель Юпитеръ, чтобы придать законность рѣшенію, предложитъ всему собранію выразить свое общее согласіе путемъ поднятія рукъ. Но сейчасъ же, одумавшись, закричалъ: нѣтъ! нѣтъ!—хорошо понимая, что при общемъ голосованіи, пожалуй и онъ не останется безнаказаннымъ: проведеніе его въ жизнь предоставлено будущему ¹⁾.

Здѣсь Лукіанъ является болѣе релігіознымъ бытописателемъ, чѣмъ сатирикомъ, но пронія надъ богами проглядываетъ въ самомъ подборѣ боговъ и въ той обличительной рѣчи, съ какою обращается къ собранію Момъ, и вся сцена составлена лишь для того, чтобы показать полное безсиліе греко-римскихъ боговъ освободить себя отъ эгои звѣриной примѣси, унижающей достоинство древнихъ греко-римскихъ боговъ.

Боги излишни для міра и всякое воздѣйствіе ихъ на него производитъ безпорядокъ и зло—вотъ основной тезисъ Лукіана въ его полемикѣ съ богами, и радикальная борьба противъ всякихъ идей промысла и провидѣнія яркой чертой проходитъ по всемъ его литературнымъ этюдамъ. Эту основную идею Лукіанъ ни гдѣ такъ откровенно и точно не выражаетъ, какъ въ словахъ бога Момъ въ *Juppiter tragoedus*. „Что должны люди думать о богахъ, когда они наблюдаютъ, какой безпорядокъ царствуетъ въ мірѣ? почему лучшіе люди презираются богами, погибаютъ въ голодѣ, болѣзняхъ и рабствѣ между тѣмъ, какъ дѣлатели зла награждаются почестями и богатствомъ и живутъ въ полной безопасности. Что удивительнаго въ томъ, если люди въ концѣ концовъ пришли къ убѣжденію, что имъ съ нами (богами) дѣлать нечего“ ²⁾. Епикуреецъ Даміскъ въ томъ же діалогѣ подтверждаетъ высказанную Момомъ мысль рядомъ фактическихъ данныхъ, взятыхъ изъ примѣровъ различной судьбы преянныхъ выдающихся по своимъ добродѣтелямъ и порокамъ людей ³⁾. Но нигдѣ эта борьба Лукіана противъ

¹⁾ с. 14—19 Jacobitz, III, 580—584

²⁾ *Juppiter tragoedus*, с. 19 Jacobitz II p 509. 510

³⁾ *Ibid.* с. 48, p 509. 510

провидѣнія и даже возможности его осуществленія не достигаетъ такой энергій и логической законченности, какъ въ его небольшомъ, но литературно и художественно обработанномъ диалогѣ „Побѣжденный Юпитеръ“. Въмѣсто эпикурейца здѣсь Лукіанъ ставитъ себя на мѣсто циника. Въ отношеніи національной религіи циники шли по одной дорогѣ съ эпикурейцами съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что они строже, чѣмъ эпикурейцы, удерживали въру въ высшее божество. Это была одна изъ чистѣйшихъ действительныхъ сектъ, какія только породила древняя греческая философія и, представляя по своему релігіозному убѣжденію прямую противоположность политеизму, она заявила себя рѣшительной и неустанной борьбой противъ всякаго рода оракуловъ, мистерій, пророчествующихъ сновидѣній, всякаго политеизма и установившагося въ немъ культа ¹⁾. Эти были философы аскеты, проповѣдовавшіе самоотреченіе, подавленіе обычныхъ потребностей, и ихъ идеаломъ служилъ извѣстный образъ Діогена Синопскаго. Во всѣхъ благородныхъ своихъ представителяхъ они являлись ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ и одушевленнымъ протестомъ противъ клонившей къ упадку цивилизаціи, противъ страстей, грубостей и погрѣшностей и серьезной попыткой спасти индивидуальную личность изъ общаго крушенія свободы. Новое и необъятное поле открыло предъ нами, когда въ концѣ эпохи Антоиновъ греко-римская цивилизація приближалась къ распаденію, когда не сдержимая никакими чѣрами безвкусная роскошь, начавшая въ Римѣ и отсюда распространявшаяся по всѣмъ провинціямъ и произволъ администраціи подавили личность,—все содѣйствовало тому, чтобы снова выдвинуть на сцену такихъ людей, какъ циники, стремившихся путемъ самоотреченія сохранить личную свободу.

Циникъ приходитъ къ Юпитеру: „я являюсь къ тебѣ не съ просьбами о богатствѣ, золотѣ и коронѣ, какъ другіе люди; я хочу задать тебѣ только одинъ маленькій вопросъ: что ты думаешь о судьбѣ и паркахъ, о которыхъ говорятъ Гомеръ, Гезіодъ и поэты. Юпитеръ отвѣчаетъ общепринятымъ тогда положеніемъ: что раньше предопредѣлено парками,

¹⁾ Ср. Bernay. Lucian und Kinikes, s 31

того измѣнить нельзя и все случающееся зависить отъ веретена парковъ¹⁾, кружащаго отъ начала вещей: ничего иного и не можетъ происходить²⁾. Итакъ, продолжаетъ совопросникъ: „если боги стоятъ подъ господствомъ судьбы и парковъ, то при такихъ условіяхъ жертвы и молитвы, приносимыя вѣрующими богамъ, не имѣютъ никакой пользы, такъ какъ боги не обладаютъ ни малѣйшей властью измѣнить что-нибудь изъ того, что предопредѣлено парками“³⁾. На возраженіе Юпитера, что боги пользуются жертвами не въ силу какой-нибудь особой власти, дарованной имъ, но потому, что имъ однимъ присуще вѣчное бытіе и они одни обладаютъ благомъ и блаженствомъ, циникъ отвѣчаетъ отрицаніемъ; и у боговъ не все благополучно; хромоу Вулканъ долженъ сидѣть за трапезой и работаетъ, какъ обыкновенный ремесленникъ, Прометей распятъ и т. д.

Юпитерь: а, безстыдный клеветникъ! ты у меня расквѣшься.

Циникъ: Увы, Юпитерь, твоя угроза тщетна: вѣдь, ты не можешь сдѣлать ничего такого, что ранѣе уже не рѣшено парками⁴⁾.

Юпитерь: ты хочешь диспутировать о провидѣніи.

Циникъ: Софисты уже много диспутировали о немъ, но такъ какъ я не могъ узнать отъ нихъ истины, то не скажешь ли ты мнѣ: что такое провидѣніе, представляетъ-ли оно особое существо? Парки-ли оно или дапа еще вышая власть, которой подчиняются и парки? На отвѣтъ Юпитера, что Парки управляютъ міромъ чрезъ боговъ, слѣдуетъ отвѣтъ: значить вы—только орудія въ рукахъ судьбы, какъ топоръ и бурава въ рукахъ плотника: въ такомъ случаѣ жертвы и моленія цужно приносить не вамъ, а судьбѣ⁵⁾. „Мы боги

¹⁾ с. 5. Jacobitz, 460.

²⁾ У Гомера парки прядутъ для людей нить жизни (Iiad II, 24) и потому называются кружащими веретеномъ. Впослѣдствіи ихъ представляли, какъ строгихъ и благородныхъ богинь судьбы, которые управляютъ рулемъ необходимости и раздають Эриніямъ ихъ обязанности со скипетромъ въ рукѣ. Послѣднія назначаютъ срокъ рожденія каждаго человѣка, они прядутъ ему нить жизни и точно опредѣляютъ срокъ его смерти (Любкеръ cit. op стр. 657).

³⁾ Jupiter Confutatus, с. 1—4; Jacobitz, II, 457—460

⁴⁾ с. 5; Jacobitz, ibid, p. 460.

⁵⁾ с. 8. 9; Jacobitz, 462. 463.

предсказываемъ будущее чрезъ оракуловъ“ —Какой же смыслъ знать намъ будущее, такъ какъ измѣнить что-нибудь въ своей жизни не во власти человѣческой. Да и съ божественнымъ промысломъ дѣло обстоитъ плохо: добрые на землѣ преслѣдуются, а злые живутъ въ богатствѣ и чести ¹⁾. Эта несправедливость,—объясняетъ Юпитеръ, измѣнится послѣ смерти.—Но если люди, логично возражаетъ циникъ, не могутъ ничего дѣлать по своей волѣ, стоять подъ властью неизмѣняемой судьбы, то они не должны ни вознаграждаться за благо, ни наказываться за зло и если бы Миносъ ²⁾ оказался справедливымъ, то онъ долженъ былъ бы наказать богиню судьбы вмѣсто Сизифа ³⁾ и Парковъ вмѣсто Тантала ⁴⁾.

Юпитеръ прижатъ къ стѣнѣ логикой циника. „Я не хочу больше отвѣчать тебѣ: ты слишкомъ дерзкій и любящій словопренія софистъ; я повертываюсь къ тебѣ спиной“ ⁵⁾.

О дѣйствительномъ значеніи жертвъ и молитвъ Лукіанъ даетъ полную картинку въ своемъ „Икаромениппѣ“ Ме-

¹⁾ с. 9—11. Jacobitz, 403—466

²⁾ с. 17. 18 Jacobitz 467. 468. Миносъ, древній мнѣическій царь Крита. Въ древнихъ сказаніяхъ, онъ изображается, какъ мудрый и справедливый царь и какъ въ этомъ мірѣ онъ былъ справедливымъ царемъ, такъ онъ въ качествѣ несуществующей тѣни онъ исполняетъ тѣ же царскія обязанности, и въ подземномъ мірѣ Любекеръ, с. 652—653.

³⁾ Сизифъ (отъ *σφοδός* = продувной малый). У Гомера онъ названъ самымъ корыстолюбивымъ изъ людей и вообще слылъ за дурного и лукаваго человѣка. Въ наказаніе за грѣхъ Сизифъ долженъ былъ вѣчно вскатывать на высокую гору обломокъ скалы и какъ только онъ достигнетъ вершины скалы, камень снова катится внизъ Любекеръ, стр. 935.

⁴⁾ Танталъ, богатый царь Фригіи, сынъ Зевса и Плуто (богатства). Онъ былъ любимцемъ Зевса и боговъ, которые часто приглашали его на пирь, но смертный не могъ сберечь свое счастье; онъ оскорбилъ боговъ и былъ жестоко наказанъ. Вина его толкуется различно. Говорятъ, что на пирахъ онъ похищалъ нектаръ и амброзію и раздавалъ ихъ людямъ; по другому разсказу онъ выдалъ людямъ тайну, повѣренную ему Зевсомъ, третье преданіе говоритъ, что онъ разрѣзалъ на куски своего сына Пелона и преподалъ его богамъ въ видѣ кушанія и т. д. Его наказаніе въ аду состояло въ томъ, что онъ томимый голодомъ и жаждой стоялъ до подбородка въ водѣ, а надъ ней висѣли восхитительные плоды, но какъ только онъ наклонялся къ водѣ, чтобы попить, она опускалась; онъ протягивалъ руки къ плодамъ, и они отскакивали отъ него, Любекеръ, 976 другія преданія о Танталѣ см. у него же

⁵⁾ с. 17—18; Jacobitz, II, p. 468—469.

нишь, желая узнать чему должно вѣрить относительно божественнаго управленія міромъ, долго совѣтовался по этому вопросу со всѣми философами и, не найдя у нихъ никакого отвѣта, долгимъ путемъ прокрадывается на Олимпъ и созерцаетъ Юпитера при исполненіи ¹⁾ имъ своихъ верховныхъ обязанностей. Въ небѣ находится много отверстій, забитыхъ крышками и при каждомъ изъ нихъ устроенъ золотой стулъ. Юпитеръ сидитъ на первомъ изъ этихъ стульевъ и выслушиваетъ молитвы смертныхъ: одинъ проситъ у него царства, другой скорой смерти отца, третій удачнаго процесса, дальнѣйшей побѣды на Олимпийскихъ играхъ и т. д. Возмущенный всѣми этими молитвами Юпитеръ посылаетъ вѣтры въ Скѣію, чтобы залить ее ливнемъ, выжечь Африку и засыпать снѣгомъ Грецію; ты, сѣверный вѣтеръ, высуши Лидію; Зефиръ долженъ поднять бурю въ Адриатическомъ морѣ и высыпать 10,000 четвериковъ града на Каппадокію. Наказавъ печестивцевъ Юпитеръ въ совершенно спокойномъ настроеніи удалился съ золотого стула. Наступилъ часъ ужина ²⁾

Въ своей борьбѣ съ греко-римскими богами Лукіанъ шель рядомъ съ христіанскими апологетами, и послѣдніе имѣли въ лицѣ его своего ближайшаго союзника, тѣмъ не менѣе точка зрѣнія на религиозный вопросъ Лукіана и христіанскихъ апологетовъ оказывалась радикально противоположной. Осмѣивая боговъ, издѣваясь надъ ними, ставя ихъ въ курьезное, вызывающее смѣхъ положеніе, Самосатскій сатирикъ вовсе не хотѣлъ уничтожить ихъ и замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе возвышеннымъ. Въ этомъ отношеніи точнымъ отпечаткомъ его собственной мысли являются слова, сказанныя Меркуріемъ унавшему духомъ Юпитеру: „не бѣда, если иблгорые люди перестанутъ поклоняться тебѣ; огасея еще масса черни и толпы, разсыпанной по городамъ, и кромѣ того огромное число варваровъ ³⁾“. Борьба же апологетовъ противъ языческихъ боговъ руководилась не столько плебическими мотивами, сколько желаніемъ противопоставить этимъ презрѣннымъ и развратнымъ богамъ духовное поклоненіе единому Богу, чистоту и возвышенность своей вѣры. По ихъ убѣжденію уже одно появленіе и проповѣдь христі-

¹⁾ *Icaromennipous*, с. 1—25; *Jacobitz*, III, pp. 32—57.

²⁾ с. 25—27. *Jacobitz*, 56—57.

³⁾ *Jupiter tragoedus*, с. 53; *Jacobitz*, II, 512. 513.

ацтва уничтожило греко-римскихъ боговъ, обративъ ихъ въ злыхъ демоновъ, и въ этомъ нещрикосновенномъ убѣжденіи они почерпали свою вѣру въ будущее торжество новой религіи надъ распадающимся по всеѣмъ сторонамъ эллинизмомъ

А. Спасскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
